

Ночью Шэнь Цинжаню приснилось, будто он закрыл собой от вражеского клинка какого-то безымянного военачальника, а тот в знак признательности и за спасение жизни пожаловал ему целую тысячу му плодородных земель.

От такой вопиющей несправедливости во сне Шэнь Цинжань аж проснулся в крайнем раздражении.

Вчерашний день вообще не задался: сперва эти пять му сахарного тростника довели его чуть ли не до кровавой рвоты, а затем конфуз с разорванным дудоу добавил неловкости, из-за чего они с Сюэ Фэйфэном весь остаток дня не проронили ни слова.

Сюэ Фэйфэн тоже не спешил заговаривать первым.

Шэнь Цинжань посидел, кутаясь в теплое одеяло и сонно мотая головой, как вдруг до его сонного ума дошла одна мысль.

А где же яйца, которые высиживал Сюэ Фэйфэн?

Он не видел их целые сутки — неужто их попросту пустили на яичницу?

Сам Сюэ Фэйфэн по этому поводу не испытывал ни малейшего зазрения совести. Чан Мин благополучно уволок всю кладку с собой; у парней из его личной гвардии сейчас было полно свободного времени, так что бог весть — может, через три недели у них в лагере действительно займется хождение выводок пушистых цыплят.

— Вчера поутру мимо наших ворот проходил бродячий торговец, — ровным голосом соврал Сюэ Фэйфэн. — Я заметил у него в коробе отличные кисти и первоклассную рисовую бумагу, ну и обменял всё это добро на те куриные яйца.

Мужчина достал принесенную Чан Мином бумагу и бережно протянул её Шэнь Цинжаню:

— Если тебе впредь захочется что-то сказать, можешь просто записывать здесь.

Это была превосходная, гладкая бумага сорта шусюань прямиком из провинции Хуэйчжоу — идеальный выбор для тонкой и кропотливой графики гунби (традиционный стиль китайской живописи).

Чернила на такую поверхность ложились ровно, не растекаясь, и обычным крестьянским семьям целая стопка подобной роскоши была явно не по карману. Шэнь Цинжань в своей прошлой жизни повидал немало видов дизайнерской бумаги, поэтому сейчас не признал в ней редкое сокровище.

Единственное, что его по-прежнему смущало, так это соседский фактор, о чем он поспешно вывел: «Но тетушка Чжан ведь говорила, что нужно вывести цыплят...»

«Когда она придет в следующий раз, будешь сам перед ней оправдываться, этот грех я на себя брать не намерен».

Сюэ Фэйфэн спокойно возразил:

— В этом нет никакой беды. К тому же подумай сама: если бы ты самолично высидела этих цыплят, выкормила их, заботилась о них день за днем... Разве у тебя потом поднялась бы рука пустить их на мясо?

«И то верно, ни за что бы не поднялась».

Шэнь Цинжань понимающе закивал головой, и в его глазах на миг отразилось искреннее восхищение мужем. Надо же, он ведь едва не проделал кучу бесполезной работы, благо в доме оказался хоть один здравомыслящий человек!

Успешно замаяв эту скользкую тему, Сюэ Фэйфэн облегченно выдохнул:

— Напиши-ка что-нибудь, я посмотрю.

Парень поудобнее перехватил кисть и, напрочь позабыв об образе безграмотной сельской девки, размашисто и щегольски начертал на белоснежном листе свое настоящее имя. В его движениях сквозило явное желание блеснуть мастерством.

Пахать на полях он, положим, не умеет, но уж в каллиграфии-то Сюэ Фэйфэн точно не посмеет смотреть на него свысока!

— Неужто у Цинжань в наставниках был настоящий ученый муж? — как бы между прочим поинтересовался Сюэ Фэйфэн, внимательно изучая иероглифы.

У Шэнь Цинжана от этого вопроса аж мурашки по спине пробежали. «Как я мог так глупо проколоться?!»

Он испуганно уставился на свои надписи.

Хорошая каллиграфия требует немалой физической силы, крепкого плеча и гибкого запястья, коих у изнеженного тела прежнего владельца отродясь не водилось. Из-за этого штрихи местами вышли блеклыми, а завершающие росчерки — смазанными.

Впрочем, эта оплошность обернулась удачей, и парень быстро придумал логичное объяснение.

Он вывел: «Когда я была маленькой, в нашу деревню забрел беглый ученый, спасавшийся от бедствий. Моя матушка сжалась над ним и подкармливала несколько дней, а тот в благодарность обучил меня грамоте».

Шэнь Цинжань сделал паузу и со всей душой принялся возводить на себя напраслину: «Ты ведь и сам видишь, какая я... ленивая да прожорливая, я с самого детства такой уродилась. Матушка всегда говорила, что крестьянская девка с таким характером к полевым работам непригодна, и замуж меня в округе никто не возьмет. Вот и присоветовала выучить пару сотен знаков, чтобы строить из себя благородную барышню, которая и пальца о холодную воду не ударит. Глядишь, какого-нибудь заезжего чужака и удастся обвести вокруг пальца».

В конце концов, его книжная матушка осталась за десять тысяч ли от этих мест, и проверять его слова Сюэ Фэйфэн уж точно не потащится.

«Заезжий чужак» Сюэ Фэйфэн в этот момент ощутил, как невидимая стрела довольно ощутимо поразила его собственные колени.

В его голове тут же достроилась логическая цепочка: семья Шэнь изначально и знать не хотела бедного Ли Фэна, чье хозяйство не потянуло бы капризы и аппетиты Шэнь Цинжана. Но годы шли, дочь выросла, а тут как раз прослышали, что Ли Фэн вернулся со службы с деньгами — вот они и поспешили сосватать девушку по старовенчанному уговору, пока тот не успел пойти на попятную.

Что ж, эта проверка тоже осталась позади.

Шэнь Цинжань вознамерился аккуратно разрезать листы бумаги, чтобы сшить из них небольшие карманные блокноты и развесить по всем комнатам — так нужные записи всегда будут под рукой. Сюэ Фэйфэн тут же перехватил у него эту работу, и парень снова остался не у дел.

Стараясь изо всех сил игнорировать существование проклятых пяти му тростника, Шэнь Цинжань в свободное время понемногу поливал чахлый саженец синего дуба да дразнил упитанного белого гуся.

При этом он одновременно презирал себя за абсолютное нежелание трудиться и искренне не хотел спускаться на грядки.

Однако на всякого лодыря у судьбы всегда найдется своя управа. И не успели высшие силы вмешаться, как со двора донесся до боли знакомый голос, от которого Шэнь Цинжань и Сюэ Фэйфэн синхронно окаменели.

Тетушка Чжан снова пожаловала в гости!

У обоих мужчин тут же ожил в памяти кошмар, навеянный темой высиживания яиц.

Тетушка Чжан на самом деле руководствовалась исключительно добрыми побуждениями. Она рассудила, что раз Шэнь Цинжань только-только вошла в новую семью и еще не успела понести, самое время обучить ее полезным в хозяйстве премудростям — чем больше узнает сейчас, тем легче будет потом.

И в отличие от остальных деревенских сплетниц, которые только и ждали повода посмеяться над рогами Сюэ Фэйфэна, Шэнь Цинжань в глубине души был искренне благодарен соседке за теплоту.

— Ну что, милая, сегодня тетка научит тебя варить клей! Ведь дел у тебя на сегодня никаких нет, верно? — спросила женщина.

Шэнь Цинжань под пристальным и полным энтузиазма взглядом тетушки Чжан смог лишь обреченно покачать головой.

— Вот и славно, пошли тогда, начнем потихоньку.

Шэнь Цинжань наивно полагал, что в этом мире не может быть ничего хуже и утомительнее высиживания куриных яиц. Но стоило ему увидеть приготовленные приспособления, как он понял, насколько глубоко заблуждался.

У колодца была вырыта глубокая яма, до краев наполненная мутной водой, в которой мокли свиные шкуры, жесткие бычьи кожи, лошадиные обрезки...

Господи, чего там только не было! За четыре-пять дней это месиво изрядно разбухло и подгнило, казалось, ткни пальцем — и шкура с противным хлопанием лопнет.

Над двором стократ поплыл такой густой, удушливый шлейф жира и тухлого мясного смрада, что лицо Шэнь Цинжана вмиг исказилось от неподдельного ужаса.

Тетушка Чжан преспокойно выловила из жижи несколько склизких кусков и принялась

усердно скрести их маленькой жесткой щеткой, счищая налипшую грязь:

— Для варки клея сгодится любая сыромятная кожа, пусть ей хоть десяток лет в обед будет. Сейчас повсюду война идет, для починки телег да сборки луков клея требуется немерено. Я слыхала, в соседнем поселении Ванцзятунь люди только этим и промышляют — варят на продажу и горя не знают. Мы-то продавать не станем, состряпаем немного для своего подворья, чтоб на рынок не бегать. А то нынче за него такие три шкуры дерут, упаси боже.

В кухне на печи уже вовсю бурлил огромный чугунный котел с водой. Невестка тетушки Чжан бдительно следила за огнем, а когда вода дошла до нужной кондиции, вышла во двор на подмогу.

Острым ножом женщины принялись пластовать размякшие кожи на мелкие ремни и бросать их прямо в кипящий котел.

— Варить это дело надо целые сутки, пока кожа полностью в жижу не превратится. Как станет клейковина с черпака тягучей каплей стекать, да так, чтоб последняя капля густой вышла — значит, готов наш клей, — со знанием дела объясняла тетушка Чжан.

Окинув взглядом тонкие, белые пальцы Шэнь Цинжаня, она из жалости не стала напрямую припрягать его к грязной работе.

Но когда две женщины вовсю горбатились на корточках перед чаном, Шэнь Цинжань просто не мог позволить себе стоять в стороне и изображать из себя барыню. Он заставил себя ухватить один скользкий, мерзкий кусок свиной шкуры, мысленно прощаясь с чистотой своих рук навсегда.

Подавляя подступающие к горлу рвотные позывы, Шэнь Цинжань, стиснув зубы, принялся вместе с тетушкой Чжан бросать нарезанные склизкие ленты в кипящую воду.

Тетушка Чжан продолжала напутствовать:

— Как всё разварится, постелем на цедилку сухую траву-пырей, процедим хорошенько, да и оставим застывать в студень. Потом этот холодец на тонкие пластины порежем да на солнышке высушим. Ты завтра, как время будет, заглядывай к нам — тетка тебе готовеньких плиток отсыплет, в хозяйстве всё пригодится.

Парень вымученно улыбнулся, выражая безмолвную благодарность.

Домой он вернулся лишь ближе к полудню. Стоило ему оказаться на пустынной тропке подальше от чужих глаз, как он не выдержал: вцепился руками в ствол чахлой придорожной ивы и принялся исходить безудержной рвотой.

Благо, скудный утренний завтрак успел полностью перевариться, так что наружу ничего не вышло, но Шэнь Цинжаню всё равно казалось, что его ладони насквозь пропитались этим невыносимым мясным смрадом.

Сорвав пару жестких ивовых листков, он усердно вытер губы и прислонился спиной к дереву, чтобы перевести дух. Душу его захлестнула волна глубокого возмущения.

«Почему в других романах главные героини сразу становятся прекрасными мастерицами по изготовлению нежнейшего тофу, а ему приходится вести войну со свинными шкурами?!»

«Неужто в жанре деревенской прозы процветает скрытая дискриминация по половому признаку?!»

Немного придя в себя, он расправил плечи и с самым невозмутимым видом зашагал к родному дому.

А в это время на противоположном склоне холма двое крестьян, перепахивавших свой надел, заметили согнувшегося у ивы человека. Вспомнив утренние ядовитые речи госпожи Цай, мужики переглянулись, и в глазах каждого отразилось полное понимание.

— Похоже, Фэн-цзы и впрямь обзавелся знатными рогами.

— И не говори, жалко парня. А эта Шэнь Цинжань еще и вид строит, будто ничего не бывало — видать, боится, как бы муж обо всем не прознал.

— Да сколько ни скрывай, придет срок — у всех глаза на лоб полезут. Таких девок испокон веков в свинных корзинах топить надо! Если б моя баба вздумала такое непотребство сотворить, я б ей самолично ноги переломал.

— Ишь, распетушился! Нашелся мне гроза баб. А кто в начале прошлого месяца с воплями по всей деревне удирал, когда благоверная за ним с мотыгой в руках гналась, а?

Оба мужика весело расхохотались. Тяжелый крестьянский труд шел куда быстрее, если была возможность потрепать языком да перемыть кому-нибудь косточки.

И им было абсолютно наплевать, сколько ушей подслушают их разговор и в какую новую грязную сплетню он выльется к вечеру.

Стоило Шэнь Цинжаню переступить порог избы, как его губы обиженно надулись так сильно, что на них можно было бы подвесить добрый кувшин с маслом. Он отчетливо разглядел, как при его появлении Сюэ Фэйфэн недовольно нахмурил брови!

«И он еще смеет кривить лицо!»

«Неужто брезгует тем, что от меня воняет тухлятиной?!»

Шэнь Цинжань, не разбирая дороги, решительно шагнул вперед, налетел на Сюэ Фэйфэна и со всей дури принялся тереться об его одежду, щедро делясь с мужем доброй половиной налипшего за утро жирного смрада.

Ему казалось, что сегодня весь мир обошелся с ним несправедливо и жестоко!

Сюэ Фэйфэн от такой внезапной атаки совершенно растерялся. Он готов был поклясться предками, что нахмурился вовсе не из-за запаха, который принес с собой парень.

«Чего тогда брови хмуришь?» — сердито вывел Шэнь Цинжань.

На сей раз он даже не поленился подойти к столу за бумагой — просто бесцеремонно устроился прямо у ног Сюэ Фэйфэна и принялся чертить знаки прямо на его ладони.

— Я заметил, что ты вернулась без настроения, и испугался, не обидел ли тебя кто на улице, — Сюэ Фэйфэн открыто посмотрел «супруге» в глаза, и в его голосе прозвучала столь искренняя забота, что придраться было решительно не к чему.

Шэнь Цинжань уныло опустил голову. «Надо же, он всё заметил?»

Хотя, если по совести, ничего страшного не произошло.

Не то чтобы он совсем не умел терпеть трудности, просто его избалованное нутро активно протестовало против подобной бытовухи.

Но если сравнить его нынешние невзгоды с теми ранами и лишениями, через которые прошел Сюэ Фэйфэн на полях сражений, всё это казалось сущими пустяками.

Шэнь Цинжань изрядно выплеснул накопившуюся обиду на своего суженого, и его хандра постепенно сошла на нет.

Устроившись на полу прямо у ног мужчины, он с легкой гордостью вывел на его ладони: «Тетушка Чжан обещала подкинуть нам немного готовых клеевых плиток. Как подсохнут — сможем намертво починить все сколы и трещины на твоём кресле».

Парень легонько постучал пальцами по деревянному подлокотнику, а затем плавно скользнул ладонью вниз, коснувшись голени Сюэ Фэйфэна. В его глазах мелькнула тревога, и он быстро начертил: «Я тебя сейчас не сильно ушибла, когда налетел со своими объятиями?»

Хотя, странное дело... почему под слоем ткани его кость ощущается такой крепкой и здоровой?

«Наверное, у него там просто сухожилия порваны», — Шэнь Цинжань нашел первое попавшееся объяснение и даже не подумал усомниться в том, что инвалидность его мужа могла быть обычной инсценировкой.

Точно так же, как Сюэ Фэйфэн ни на секунду не сомневался в том, что его «невеста» действительно лишена дара речи.

— Всё в порядке, все старые раны давно затянулись, — ответил Сюэ Фэйфэн, и в этих словах была лишь половина правды.

Внешние повреждения у него действительно зажили, он мог спокойно бегать и летать ласточкой, но тяжелое ранение всё же оставило после себя немало отголосков: ноги сильно ломило в сырую погоду, они быстро утомлялись от долгой ходьбы, да и вернуться на поле боя и разрушить врагов он больше не мог.

Старый лекарь строго-настрого велел ему раз в две недели являться в горную обитель — окуривать конечности целебными травами и ставить иглы в особые точки акупунктуры для разгона крови.

— Через пару дней мне нужно будет ненадолго отлучиться из деревни, — добавил мужчина.

Дело было не только в лечении ног: согласно тайному донесению Чан Бай, на южных границах объявилась банда свирепых разбойников. Пользуясь тем, что императорские полки увязли на передовой и не могли разорваться на два фронта, эти мародеры принялись безжалостно грабить и жечь близлежащие селения.

Логово разбойников находилось в опасной близости от Лицзяцунь, и если вовремя не принять меры, смута рано или поздно докатится и до их порогов.

Шэнь Цинжань в его глазах оставался изнеженной, хрупкой барышней, совершенно не

знающей ужасов этого мира. И если бы это было в его силах, Сюэ Фэйфэн с радостью укрыл бы эту глухую горную деревушку от любых штормов, превратив её в подобие легендарного Персикового источника времен династии Цинь, чтобы его «супруга» могла жить здесь, не ведая никаких забот.

Шэнь Цинжань испуганно округлил глаза. Он прекрасно знал, насколько длинна и крута та горная тропа, ведущая во внешний мир. Сюэ Фэйфэну с его перебитыми ногами этот путь должен был показаться сущим адом на земле.

Поскольку муж по-прежнему использовал проверенную ложь про перепродажу лекарственных корней ради куска хлеба, в глубине души Шэнь Цинжаня шевельнулось сложное, горькое чувство вины.

Он поспешно вывел: «Если ты так сильно переживаешь из-за нехватки серебра, я могу... могу просто есть на один раз меньше».

Сюэ Фэйфэн невольно рассмеялся. Этот человек в своей неловкой заботе показался ему до безумия милым, так что у него даже возникло непреодолимое желание потрепать его за щеку.

«В конце концов, спина у меня уже почти не болит, я ведь и на поле выйти могу», — упрямо подумал про себя Шэнь Цинжань.

Если бы перед ним поставили жесткий выбор: либо ему самому придется ковыряться в земле на плантациях, либо хромоту Сюэ Фэйфэну придется в одиночку калечить ноги на горных кручах, Шэнь Цинжань, так и быть, скрепя сердце, выбрал бы первое.

Видя, как расстроился парень, Сюэ Фэйфэну пришлось выложить еще часть правды:

— Дело не только в заработке. Мои раненные ноги требуют постоянного присмотра, мне нужно забрать свежие лечебные отвары у лекаря.

Шэнь Цинжань тут же размашисто начертил: «Я пойду вместе с тобой!»

— Исключено, — отрезал Сюэ Фэйфэн. Если «супруга» увяжется за ним, у него будут связаны руки, и он не сможет заняться делами гвардии. Мужчине пришлось спешно искать благовидный предлог: — Я ведь только-только выкупил те пять му тростника у старика Суня, а они как раз на днях войдут в самую пору сладости. Если мы оба покинем дом, деревенские кумушки вроде госпожи Цай мигом растащат весь наш урожай до единого стебля.

Шэнь Цинжань от досады аж ногой топнул.

С одной стороны на чаше весов лежали пять му тростника, купленные на кровные, политые кровью деньги мужа, и крайне сомнительные моральные качества местных жителей, а с другой — одинокий инвалид, вынужденный в одиночку преодолевать перевал.

Парень призадумался, после чего не нашел ничего лучше, кроме как наградить Сюэ Фэйфэна самым свирепым и испепеляющим взглядом, на какой только был способен.

«И дернул же тебя черт вообще выкупать это проклятое тростниковое поле!!!»

«Тебя что, осел по голове копытом ударил?!»

Шэнь Цинжань в полном расстройстве чувств ушел мыться в баню, оставив Сюэ Фэйфэна в

одиночестве со всем его жирным амбре.

И на лице этого сурового воина, в чьих глазах за долгие годы сражений застыла леденящая, непреклонная жажда убийства, постепенно, капля за каплей, проступила теплая, искренняя улыбка.

«Стоило ей разок дотронуться до свиной шкуры — и она уже всю переживает, как бы я не сочел ее грязнулей. Интересно, если бы эта «супруга» прознала, сколько чужой крови пролилось на эти самые ладони, да так, что её не отмыть всеми водами бескрайних пустынь... посмела бы она тогда с таким упоением тереться о мою грудь?»

Улыбка сошла с лица Сюэ Фэйфэна, и он крепко сжал деревянные подлокотники кресла.

«Нет. Шэнь Цинжань никогда об этом не узнает».

Ближе к ночи Чан Бай, не жалея коня, доставил к их порогу огромный холщовый мешок, доверху набитый всевозможной выпечкой — они с Чан Мином теперь по очереди несли дозор и обеспечивали связь с генералом.

На следующее утро, после того как эти изысканные лакомства хорошенько прогрелись на пару над печью, они появились перед Шэнь Цинжанем во всем своем великолепии. Тут были и сладкие, и солоноватые, и пряные угощения — стол ломился от изобилия.

Парень даже отчетливо слышал, как у него самого шумно сглотнула слюна.

«Вот это я понимаю — еда для нормальных людей!»

У Шэнь Цинжана от умиления аж слезы на глаза навернулись. Забыв обо всех приличиях и вопросах, откуда в их нищей избушке взялось такое богатство, он рассудил здраво: раз Сюэ Фэйфэн дает — надо брать, сперва набьем пузо, а там видно будет.

Сюэ Фэйфэн с легким изумлением наблюдал за тем, как парень один за другим уплет добрых семь-восемь пышных рисовых колобков, начиненных соленым яичным желтком и мелкими кусочками сочного мяса.

Мужчина заботливо пододвинул к нему пиалу с чистой водой и своими глазами созерцал, как вслед за колобками в бездонный желудок «супруги» поочередно отправились еще пять-шесть штук причудливых сладостей: хрустящее печенье «фужун», пышные рулеты в виде цветов финика и нежнейшие пирожные с ароматом османтуса...

Судя по всему, под сладкое и соленое у этого парня внутри имелось два абсолютно независимых друг от друга желудка.

— Ешь не торопясь, — мягко осадил его мужчина.

Шэнь Цинжань с легким смущением отложил в сторону недоеденный кусочек пышного кекса на лотосовом листе и изящно прикрыл рот ладонью, издав негромкую сытую отрыжку.

Его нельзя было винить: необъятный аппетит прежнего хозяина тела, который парень эти дни усердно морил голодом, сейчас просто требовал своего. Поймите и простите.

Заметив, что Шэнь Цинжань снова потянулся к кисти, Сюэ Фэйфэн заранее предугадал его немой вопрос:

— Я попросил одного знакомого привезти это из города. Через пару дней мне придется уехать, и я очень переживал, что ты здесь совсем исхудаешь без нормальной еды.

«То есть ты решил откормить меня на убой перед своим отъездом?»

Шэнь Цинжань захлопал ресницами и быстро вывел: «В следующий раз не смей тратить деньги на такую ерунду».

Вот только в сочетании с зажатым в его левой руке надкушенным пирожным, эта строгая фраза не имела ни малейшего веса.

Вспомнив о расходах, парень снова нахмурился. Сюэ Фэйфэн сейчас остался без какого-либо дохода, и если он так отчаянно рвется в путь — это ведь наверняка из-за того, что его «женушка» слишком много жрет, верно?

Шэнь Цинжань с глубокой скорбью во взгляде посмотрел на мужа.

Эх, будь они сейчас в современном мире, он бы с радостью взял этого сурового красавца на полное обеспечение!

Сюэ Фэйфэн с трудом попытался объяснить:

— На самом деле у меня еще остались кое-какие сбережения.

Парень шмыгнул носом и безжалостно начертал: «Хватит лгать, я же знаю, что у тебя ни гроша за душой не осталось».

— Вовсе не...

«Ты за свои покалеченные ноги получил жалкие двадцать лянов, и те без остатка спустил на это тростниковое поле! Откуда у тебя взяться другим деньгам?! Обещаю, с сегодняшнего дня я стану есть в два раза меньше».

Шэнь Цинжань обиженно выпятил нижнюю губу; его глаза покраснели, и он уставился на Сюэ Фэйфэна, точь-в-точь как рассерженный белый кролик. Казалось, посмей мужчина сейчас снова заикнуться о своем богатстве ради его утешения — и парень разрыдается прямо на месте.

У Сюэ Фэйфэна от такой логики аж голова разболелась:

— Хорошо, хорошо, ты права, я кругом нищ.

«Ну и длинный же язык у нашего старосты! И дернул же меня черт тогда назвать сумму в двадцать лянов, почему я не сказал, что мне выделили целую сотню?»

Шэнь Цинжань аккуратно отломил половинку от своего пирожного и протянул Сюэ Фэйфэну: «На, ты тоже поешь».

Мужчина на мгновение опешил, прежде чем принять угощение. Он отправил выпечку в рот, но вкус еды совершенно не доходил до его сознания — мысли генерала витали где-то бесконечно далеко.

Перед самым отъездом Сюэ Фэйфэн умудрился забить кладовую припасами под самый потолок. Он панически боялся повторения недавней катастрофы, когда весь их месячный рацион

бесследно испарился уже на восьмой день.

Увидев, что Сюэ Фэйфэн снова вознамерился идти к тетушке Чжан, чтобы выкупить очередную партию муки и крупы, Шэнь Цинжань с пылающими от стыда щеками изо всех сил потащил его за рукав обратно в избу.

«Я тебе что, бездонная бочка для корма?!»

Этих припасов одному человеку хватило бы как минимум месяца на два сытой жизни!

Шэнь Цинжань вызвался проводить мужа до самого начала горной тропы. Глядя на то, как тот тяжело ковыляет, опираясь на костыли, у парня снова предательски зашипало в глазах.

«Всё из-за того, что твой старший брат оказался таким никчемным и ничем не может тебе помочь».

Сюэ Фэйфэн резко затормозил, твердо решив пресечь любые попытки парня пройти чуть дальше. На тракте за поворотом его уже всю поджидал Чан Мин с верным конем под уздцы; и сколько бы Шэнь Цинжань ни шел за ним следом, генералу пришлось бы ровно столько же изображать из себя немощного калеку.

— Поворачивайся и ступай назад, — твердо скомандовал Сюэ Фэйфэн.

Он уже успел уяснить, что на эту изнеженную «женушку» армейский приказной тон действовал безотказно. Будь эта бездельница чуть менее ленивой, Сюэ Фэйфэн бы всерьез заподозрил, что та в свое время служила под его началом.

Шэнь Цинжань послушно развернулся на пятках, сделал пару шагов назад, как вдруг Сюэ Фэйфэн снова окликнул его по имени.

«Неужто передумал и решил позволить мне проводить его?» — радостно екнуло сердце парня.

— Дома точно еды вдоволь осталось? Может, стоит еще чего прикупить? Если что понадобится — смело бери у тетушки Чжан в долг, запиши на мой счет, я как вернусь — всё до единой монеты отдам, — на полном серьезе излил свои тревоги Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжань: «...»

«Пожалуйста, поторопитесь и уходите, спасибо».

<http://bllate.org/book/17933/1721511>